

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ НА БАЛКАНАХ ПО-ВЕНСКИ: ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА АВСТРО-ВЕНГРИИ В БОСНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Одним из печальных и потенциально взрывоопасных последствий русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было принятое на Берлинском конгрессе в 1878 г. решение о передаче Боснии и Герцеговины во «временное управление» Австро-Венгрии. Данное решение было критически воспринято русским и славянским общественным мнением. По словам известного русского ученого-слависта П.А. Лаврова, в 1878 г. совершена была «вопиющая несправедливость: Босния и Герцеговина, поднявшие в 1875 г. восстание против турок, не получили автономии, подобно Восточной Румелии; не осуществилось их желание присоединиться к Сербии и Черногории. ... После победоносной русско-турецкой войны Босния и Герцеговина из одного ига перешли в другое» [1, с. 3].

Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г. вызвала новый взрыв негодования не только в Сербии, но и в широких кругах русского общества, одновременно породив попытки проанализировать первопричины происшедшего. «Аннексия Боснии и Герцеговины живо свидетельствует, что беда славян заключается не в одном только натиске германства, а, что особенно печально, в славянской розни, – писал видный русский ученый-славист П.А. Лавров. – Если в такой роковой момент, который пережили сербы после аннексии, они не встретили со стороны австрийских славян никакого сочувствия, если славяне помогли Австрии своей поддержкой закрепить свою власть в чисто сербских краях, отданных Австрии во временное управление, то тем самым они добровольно помогают осуществлению задач немецкой политики» [1, с. 3].

События на Балканах вызвали всплеск интереса к положению в Боснии со стороны российской общественности. В своем кратком, но весьма информативном очерке «Аннексия Боснии и Герцеговины и отношение к ней славянства» русский ученый-славист, специалист по Балканам, профессор Петербургского университета П.А. Лавров проанализировал и дал оценку внутренней политике австрийских властей в Боснии, начиная с оккупации данной провинции в 1878 г.

Получив Боснию и Герцеговину формально «во временное управление», австрийское правительство с самого начала стало проводить в данной славянской области системную и последовательную этноконфессиональную политику, направленную на подавление сербов и православия. «Главным

орудием в борьбе с сербами стали их ближайшие соплеменники – хорваты; в меньшей степени, – отмечал П.А. Лавров, – правительство пользовалось поляками и чехами» [1, с. 38]. Показательно, что уже в первые десятилетия после оккупации в Боснии появилось несколько тысяч чехов, которые являлись в основном чиновниками, жандармами, железнодорожными служащими, строителями, архитекторами и предпринимателями [4, s. 22].

По данным переписи 1910 г., в Боснии уже насчитывалось 7095 чехов, из них 1702 проживало в Сараево [4, s. 112]. В подавляющем большинстве это были лояльные и политически благонадежные подданные Австро-Венгрии, которые выступали здесь в роли важного элемента австрийской колониальной администрации и, вполне разделяя культуртрегерские амбиции Дунайской монархии, эффективно выполняли на Балканах ту миссию, которую отвела им Вена. Показательно при этом, что прибывшие в Боснию чехи в целом с симпатией и пониманием относились к традиционному укладу жизни и нравам местного славянского населения. По воспоминаниям жандармского офицера Ф. Валоушка, уроженца Моравии, служившего в Боснии с 1902 по 1918 гг., «население Боснии, турки, православные и католики, не стремились к какой-либо наживе; жили скромно и умеренно, не обогащались и не стремились к обогащению и при этом были счастливы и довольны...» [4, s. 23]. Впрочем, австрийская внутренняя политика быстро и безжалостно нарушила этот привычный уклад жизни.

Исключительно важную роль во внутренней политике Австрии в Боснии с самого начала играл конфессиональный фактор. Подавляющее большинство христианского населения Боснии – православные сербы – являлись, по словам П.А. Лаврова, «пасынками правительства; меньшинство – католическое население, пользовалось, наоборот, покровительством властей. Это привело к тому, что мирные до оккупации отношения между католиками и православными стали обостряться при явном поощрении лиц, стоявших во главе управления» [1, с. 59].

Поскольку Сербская православная церковь в Боснии находилась в зависимости от Константинопольского патриарха, Австро-Венгрия заключила соглашение с Константинополем, которое, признав автономию Сербской церкви в Боснии и Герцеговине под канонической властью Константинопольского патриарха, предусматривало решающую роль Вены в кадровой политике. По свидетельству П.А. Лаврова, Константинопольский патриарх получал «от австрийского правительства 58 тыс. грошей (3 480 рублей) в год. В случае освобождения какой-либо митрополичьей кафедры австрийский император имеет право назначить на свободное место своего кандидата и сообщает патриарху его имя для благословения и рукоположения. Такое назначение несогласно с канонами православной церкви, по которым епископа выбирает архиерейский собор, а митрополита

из числа епископов – смешанный собор духовенства и мирян. Этой мерой нанесен был удар церковной независимости, и высшие представители церкви сделались орудиями австрийского правительства. ... До заключения договора с патриархом митрополит получал содержание от народа. ... Австрийское правительство отменило этот сбор и заменило его особым налогом, за счет которого уплачивается митрополиту жалованье. ... Обязанный правительству епископ становится верным исполнителем его предначертаний. Выбор священников был отнят правительством у общин; их назначение на приходы было предоставлено митрополиту» [1, с. 61].

Под полный контроль австрийской администрации был поставлен и процесс подготовки православного духовенства в местных духовных учебных заведениях. Так, православная семинария, находившаяся до австрийской оккупации в г. Баня Лука, была закрыта; вместо нее австрийские власти открыли новую семинарию в отдаленном местечке Релево. Цель данного шага австрийских чиновников заключалась в том, чтобы «воспитанники семинарии, удаленные от центрального пункта Боснии, могли оставаться в стороне от всякого народного влияния. Преподаватели в ней должны непременно иметь аттестат зрелости из австрийской гимназии и окончить какую-нибудь австрийскую семинарию. Кроме того, от учителей требовались политические рекомендации и австрофильские наклонности» [1, с. 62].

Хорошо информированный и много раз бывавший на Балканах П.А. Лавров также отмечал, что в данных условиях «независимые люди» приходили в столкновение с властями и были вынуждены «оставлять свое служение церкви, как это случилось с первым сараевским митрополитом Саввою Косановичем. Еще менее церемонились власти с низшим духовенством, лишая места неугодных им священников или перемещая их с одного места на другое. В управление делами церковных общин вмешивались чиновники. ... Затрудняема и стесняема была сама самая постройка церквей. Вместо видных мест в городе для них отводились более отдаленные места, иногда даже за городом. Сборы на постройку церквей за границей – в Сербии или в России – запрещались» [1, с. 63].

Политика огосударствления церковной жизни, проводимая австрийской администрацией, была направлена на подрыв позиций православной церкви при одновременной всемерной поддержке католической церкви. Католическое духовенство в Боснии состояло исключительно из иезуитов и францисканцев, которые пользовались особым доверием Вены. Оккупационное австрийское правительство в Боснии ежегодно предоставляло местным католикам субсидию в размере 275 400 крон; при этом католическая церковь в Боснии регулярно получала и дополнительную финансовую поддержку непосредственно из Рима и Вены [1, с. 63].

По свидетельству хорошо информированных современников, «поддерживаемые правительством иезуиты ходят свободно из села в село, останавливаются на рынках, собирают присутствующих и начинают проповедь, предают православие, мусульманство и еврейство самым гнусным оскорблениям; за переход к католицизму они на глазах властей обещают не только денежные награды, но и благосклонность правительства» [1, с. 63]. Если до оккупации число католических церквей в Боснии было «очень невелико», то к началу XX в. их было уже более 200. Кроме того, в Боснии появилось 12 мужских и 11 женских католических монастырей, а также 11 католических гимназий [1, с. 64]. В результате системного покровительства католической церкви в Боснии и Герцеговине со стороны австрийских властей католики, которые до оккупации «стояли и в имущественном, и в образовательном отношении на низшей ступени, при поддержке правительства поднимаются выше. Мусульмане и особенно православные третируются боснийским управлением как граждане второго и третьего разряда» [1, с. 65].

По данным официальной статистики, с 1879 г. процент православного и мусульманского населения в городах Боснии неуклонно снижался при одновременном росте численности католического населения. Таким образом, как подчеркивал П.А. Лавров, имел место процесс окатоличивания Боснии и Герцеговины, подобно тому, как это происходило в Банате, Бачке, Бараньи и других сербских областях Австро-Венгрии. «Но нигде этот процесс не протекал так быстро, – подчеркивал русский ученый-славист, – как в Боснии и Герцеговине» [1, с. 66].

Приток католического населения в города Боснии всячески стимулировался австрийской администрацией; именно католики, имевшие различные преференции, доминировали среди чиновников, предпринимателей и торговцев. Данная политика Вены была в значительной степени опробована ранее в других югославянских областях Дунайской монархии. Так, русский ученый-славист И.И. Срезневский, посетивший в 1841 г. Далмацию, упоминал в своих путевых письмах о насаждении унии и окатоличивании местного православного населения австрийскими властями с использованием различных методов экономического и административного воздействия [2]. Примечательно, что впоследствии далматинские католики и окатоличенное славянское население усвоили хорватскую идентичность, которая первоначально в Далмации отсутствовала.

Особую поддержку Вена оказывала тем католикам в Боснии, которые декларировали хорватскую национальную идентичность. По мнению П.А. Лаврова, данной мерой достигалось «раздвоение двух частей одного народа, что и составляет главную цель правительства. ... Вызывается антагонизм в населении; выставляется хорватство как противовес сербству и как опора католическо-клерикального духа Австро-Венгрии» [1, с. 67].

Под полный контроль австрийских властей с самого начала была поставлена сфера образования в Боснии и Герцеговине. Показательно, что заведующим школами был поставлен католик. Отличительной чертой школьной политики австрийской администрации в Боснии стала дискриминация и всяческие ограничения сербских православных школ, которые пользовались широкой популярностью среди сербского населения. Открытию новых школ власти препятствовали всеми возможными мерами; не разрешалась покупки земли для этой цели; не выдавались разрешения на строительство школьных зданий. Более того, оккупационное правительство Боснии издало закон, который предусматривал, что пожертвования или завещания частных лиц в пользу сербских православных обществ или православных школ не могут быть приняты без предварительного разрешения властей. Правительственное распоряжение, изданное в 1892 г., предусматривало, что учитель сербской православной школы мог приступить к преподаванию только после получения особого свидетельства о своем поведении и политической благонадежности [1, с. 71].

На фоне системной дискриминации сербских православных учебных заведений католическая система образования пользовалась покровительством и щедрой поддержкой властей. Показательно, что к концу XIX в. в Сараево, где православное население преобладало над прочими христианскими конфессиями, число католических учебных заведений превысило число православных. Что касается австрийских казенных школ, то их отличительной чертой было воспитание учащихся «в отчуждении от народных стремлений, чтобы ослабить в сербах национальное сознание. Боясь самого имени “серб” и “сербский”, оккупационное правительство ввело как официальное название термин “босански”» [1, с. 74]. Более того, австрийское правительство озаботилось составлением грамматики особого «босанского языка», что было ярким проявлением этнокультурной инженерии, направленной на отчуждение сербского населения Боснии от Сербии. Подобным образом австрийская администрация длительное время действовала и в Восточной Галиции, где во второй половине XIX в. на фоне систематической дискриминации русского литературного языка ускоренно создавался максимально удаленный от русского украинский литературный язык [3]. Не менее примечательно и то, что в боснийских школах история Боснии изучалась максимально изолированно от истории Сербии, которая практически не упоминалась, что преследовало цель исторически обосновать чуждость населения Боснии и Сербии.

Наряду с этим проявилась и явная тенденция к хорватизации славянского населения Боснии. Так, все учебники и пособия, используемые в учебных заведениях Боснии, были изданы в Загребе хорватскими профессорами местного университета. Профессор Загребского университета Клаич, автор

целого ряда учебников по географии и истории Боснии, постоянно использовал этноним «хорваты» по отношению к боснякам и герцеговинцам, что было совершенно некорректно, поскольку даже босняки католического вероисповедания хорватами себя в то время не считали.

Подобная политика долговременной, системной и в высшей степени последовательной этноконфессиональной инженерии, проводимая австрийскими властями в Боснии с 1879 г., в значительной степени способствовала насаждению католичества и хорватской идентичности среди местного славянского населения. В еще большей степени подобная политика затронула православное сербское население Славонии и Далмации, став одной из важных причин последующих этноконфессиональных конфликтов и потрясений на Балканах, эхо которых отзывается и поныне.

Источники

1. Лавров, П. А. Аннексия Боснии и Герцеговины и отношение к ней славянства / П.А. Лавров. – СПб. : Типография М. Стасюлевича, 1909. – 140 с.
2. Срезневский, И. И. Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель / И. И. Срезневский. – СПб. : Типография С. Н. Худекова, 1895. – 374 с.
3. Шевченко, К. Языковая борьба в Восточной Галиции в XIX веке в оценках галицко-русских общественных деятелей / К. Шевченко // Язык и идентичность. Язык, литература и славянские идентичности в XVIII–XXI вв. : сб. ст. / ред. К. Шевченко. – Белград, 2020. – С. 130–157.
4. Ježek, M. Tak nám zabili Ferdinanda. Současné české stopy sarajevského atentátu / M. Ježek, P. Trojan. – Praha : Radiožurnál, 2014. – 133 s.

*О.Г. Казак, кандидат исторических наук, доцент
БГЭУ (Минск)*

КАТОЛИКИ И КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В БЕЛАРУСИ В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКИХ ЧИНОВНИКОВ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ

Период горбачевской перестройки характеризовался не только развитием институтов гласности и демократизацией общественной жизни, но и многочисленными попытками искусственной политизации межнациональных и межконфессиональных отношений. В БССР наибольшую конфликтогенность имел «польский / католический вопрос». В условиях ликвидации польскоязычного образования и практически полного вытеснения польского языка из общественной жизни Советской Беларуси (данные процессы завершились уже в 1940-е гг.) римско-католическая церковь оставалась